

**ЛЮБОВНАЯ АДДИКЦИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ:
СВЯЗЬ С ПРОЧИМИ ЗАВИСИМЫМИ МОДЕЛЯМИ ПОВЕДЕНИЯ
И ЛИЧНОСТНОЙ АУТОАГРЕССИВНОСТЬЮ**

© О.Ж. Бузик¹, А.Д. Ефимова²

Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация (1)

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, Рязань, Российская Федеральная (2)

Цель. Изучить распространенность любовной аддикции среди девушек, обучающихся в высшем учебном заведении. Выявить связь склонности к любовной аддикции с прочими зависимыми формами поведения, а также личностной аутоагрессивностью.

Материалы и методы. Для решения поставленных задач нами обследовано 416 девушек. Были использованы: тест на выявление любовной зависимости, блок тестов на выявление прочих зависимых форм поведения, а также авторский опросник для выяснения аутоагрессивного анамнеза. Статистический анализ и обработка данных проводилась посредством параметрических и непараметрических методов математической статистики.

Результаты. После интерпретации полученных результатов согласно тесту выявления склонности к любовной аддикции Егорова А.Ю., все респондентки распределились на три группы. Группа с высокой вероятностью любовной аддикции была представлена 64 обследуемыми (15%), со средней вероятностью – 211 (51%), у 141 респондента (34%) – выявлена низкая вероятность. У респондентов с высокой вероятностью любовной аддикции склонность к другим нехимическим видам зависимости статистически значимо выше, по сравнению с двумя другими группами. При сравнении склонности всех трёх групп респондентов к химическим видам аддикции, статистически значимого уровня отличий обнаружено не было, но максимальная частота встречаемости данного явления зарегистрирована среди лиц, отнесённых к группе с высокой вероятностью любовной аддикции. При анализе аутоагрессивного профиля было обнаружено статистически достоверное накопление, как классических аутоагрессивных феноменов, так и предикторов аутоагрессивного поведения в группе с высокой вероятностью любовной аддикции.

Выводы. В рассматриваемом нами срезе популяции, любовная аддикция является весьма распространённым феноменом. Выяснено, что данная группа респондентов в большей степени подвержена другим формам зависимого поведения, а также обладает существенным аутоагрессивным потенциалом.

Ключевые слова: *зависимое поведение; любовная аддикция; аутоагрессия.*

**LOVE ADDICTION AMONG STUDENTS IN THE UNIVERSITY: RELATIONSHIP
WITH OTHER DEPENDENT BEHAVIOURS AND PERSONAL AUTO-AGGRESSIVENESS**

O.Zh. Buzik¹, A.D. Efimova²

Moscow Scientific and Practical Center Narcology, Moscow, Russian Federation (1)

Ryazan State Medical University, Ryazan, Russian Federation (2)

Aim. To study the prevalence of love addiction among girls enrolled in higher education. To identify the relationship of addiction to love addiction with other addicted behaviours, and personal auto-aggressiveness.

Materials and Methods. To solve the tasks we examined a total of 416 girls. Was used: test to identify love addiction, test block for detection of other dependent behaviours, as well as the author's questionnaire to ascertain autoaggressive history. Statistical analysis and data processing were conducted by parametric and non-parametric methods of mathematical statistics.

Results. After interpreting the results according to the test detecting susceptibility to love addiction by A.Yu. Yegorov, all the respondents were distributed into three groups. The group with the highest probability of love addiction was presented by 64 respondents (15%), with an average probability – by 211 (51%), and 141 respondents (34%) were identified with low probability. Respondents with a high probability of a love addiction had predilection for other types of non-chemical dependencies significantly higher compared to the two other groups. When comparing the propensity of all three groups of respondents to the chemical types of addiction, statistically significant level of differences was detected, but the maximum frequency of occurrence of this phenomenon was among those referred to the group with a high probability of love addiction. In the analysis of autoaggressive profile was statistically significant accumulation of both classic autoaggressive phenomena, and predictors of autoaggressive behavior in the group with a high probability of love addiction.

Conclusions. In the considered slice, population, love addiction is a very common phenomenon. Found that this group of respondents is more susceptible to other forms of addictive behavior, and has significant autoaggressive potential.

Keywords: *dependent behavior; love addiction; auto-aggressiveness.*

В современном российском обществе проблема зависимого (аддиктивного) поведения с каждым годом приобретает всё более острый характер. Повсеместно увеличивается процент людей, страдающих каким-либо видом зависимости [1]. Ситуация усугубляется тем, что неуклонно происходит омоложение зависимого поведения, что особенно неприятно, так как аддиктивное поведение искажает процесс формирования личности, приводит к ее деградации, грубому искажению, а зачастую и к смертельному исходу [2].

В настоящее время представлено две группы расстройств, характеризующихся развитием аномальных влечений с выраженной зависимостью от них. Первую группу составляют психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ (ПАВ), то есть, обусловленные химической зависимостью. Вторую группу расстройств составляют расстройства привычек и влечений, объектом зависимости в данном

случае является поведенческий паттерн. Первую классификацию этих аддикций в России предложил Ц.П. Короленко [3]. Он выделил нехимические аддикции: азартные игры (гемблинг), отношений, сексуальная (любовная), избегания, работоголизм, страсть к трате денег, ургентная, а также промежуточные, к которым отнес аддикции к еде (переедание и голодание). В настоящее время список нехимических аддикций продолжает неуклонно расти.

Наиболее сложные и драматичные отношения с объектом аддикции разворачиваются при межличностной зависимости, при которой другой человек используется для того, чтобы служить защитой сложившимся представлениям о себе, для получения от него принятия, в то время как остальной мир кажется пугающим и запрещающим. Для межличностного аддикта характерна изоляция от окружающего мира, которая даже более абсолютна, чем при других аддикциях. Зависимые любовные отношения – самая закрытая

система из всех возможных [2]. Согласно П. Стентону (2005), любовь – идеальный двигатель аддикции, потому что она может исключительно претендовать на человеческое сознание [4].

К основным симптомам межличностной аддикции относятся: ощущение своей зависимости от человека; ощущение пребывания в ловушке уничижающих, контролирующих взаимоотношений; низкая самооценка; ощущение бессилия что-либо изменить в деструктивных отношениях; неопределённость психологических границ; ощущение себя в роли мученика или шута; неспособность испытывать чувство истинной близости и любви [5].

Как указывает в своей работе Е.Л. Луценко (2015), нет точной статистики встречаемости проблем в данной сфере у мужчин и женщин, но по его данным, она достаточно высока – упоминается, что данный вид аддикции распространен на уровне 3-7% популяций. Есть данные, что в России доминирующей формой зависимого поведения в возрастной группе от 21 до 25 лет является любовная зависимость [6].

Актуальность проблемы любовной зависимости, как и любой другой формы зависимого поведения, имеет и экономическую составляющую. Данная проблема обходится обществу весьма дорого, так как крадет у активных членов общества время полноценной жизни и энергию здоровья, мешает социокультурному развитию, лишает человека социальных потребностей [7].

Несмотря на важность и актуальность, феномен любовной аддикции до сих пор не привлек к себе пристальное внимание ученых, отсутствует понимание природы, психопатологии, клинической динамики, терапии и профилактики. Неосведомленность в этом вопросе вызывает затруднения как в диагностике подобного поведения, так и в оказании психологической помощи аддиктам.

Итак, *целями* данного исследования являлись: изучение распространенности любовной аддикции среди девушек, обучающихся в высшем учебном заведении; оценка связи склонности к любовной за-

висимости с прочими зависимыми формами поведения; выявление статистически значимых отличий в отношении личностной аутоагрессивности между группами респондентов с разной степенью склонности к любовной аддикции.

Материалы и методы

Для решения поставленных задач нами было обследовано 416 девушек. Все респондентки являются студентками ВУЗа и сопоставимы по социально-демографическим характеристикам. Средний возраст обследуемых составил $20,1 \pm 1,9$ лет. Опрос проводился посредством Google Forms. В качестве диагностического инструмента был использован тест на выявление любовной зависимости [8].

Следующий этап дизайна исследования подразумевал оценку склонности к другим химическим и нехимическим аддикциям. Для этого были использованы: тест Фагерстрема на определение никотиновой зависимости; тест CAGE; опросник, выявляющий употребление наркотических веществ; тест для выявления игровой зависимости; тест на интернет-зависимость; тест отношения к приему пищи (EAT-26). На заключительном этапе респондентам был предложен блок вопросов касающихся выяснения их аутоагрессивного анамнеза.

Применение статистических методов определения достоверности различий между изучаемыми группами определялось характером распределения и типом исследуемых переменных. В случае нормального распределения признаков применялся t-критерий Стьюдента. В иных случаях применялись методы непараметрической статистики. Нулевая гипотеза о сходстве двух групп по оцениваемому признаку отвергалась при уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Вначале проанализируем распространенность любовной аддикции среди обследуемых. После интерпретации полученных результатов согласно тесту выявления склонности к любовной аддикции Егорова А.Ю. [8], все обследованные респонденты распределились на три группы. Группа с высокой вероятностью любовной

аддикции была представлена 64 обследуемыми (15%), со средней вероятностью – 211 (51%), у 141 респондента (34%) – выявлена низкая вероятность. Полученные нами результаты, в целом, совпадают с проведенными ранее исследованиями [9].

Обращает на себя внимание отнюдь не представленность группы с высокой вероятностью, более важным является факт малочисленности группы с неким «иммунитетом», то есть группы с низкой вероятностью любовной аддикции. Лишь

34% обследуемых девушек психологически готовы к установлению зрелых партнерских отношений. Подавляющее большинство респонденток отнесены к промежуточной группе, что говорит о преобладании уместных способов коммуникации с партнером, но в то же время не исключает возможность возникновения дисфункциональных взаимоотношений.

Далее оценим связь вероятности любовной аддикции с другими химическими и нехимическими зависимостями.

Таблица 1

Статистически значимые отличия в отношении иных зависимых форм поведения у лиц с различной вероятностью формирования любовной аддикции

Признак	Высокая вероятность любовной аддикции	Средняя вероятность любовной аддикции	Низкая вероятность любовной аддикции	t	p<
Интернет зависимость	42,9±14,2 ^{1,2}	38±11,3 ^{2,3}	31,9±10 ^{1,3}	t ¹ – 5,55 t ² – 2,50 t ³ – 5,28	p ¹ < 0,05 p ² < 0,05 p ³ < 0,05
Пищевая зависимость	12,5±10,4 ^{1,2}	8,8±8 ^{2,3}	6,7±8,3 ^{1,3}	t ¹ – 3,89 t ² – 2,60 t ³ – 2,33	P ¹ < 0,05 P ² < 0,05 P ³ < 0,05

*Надстрочными символами обозначены пары сравнений.

Отметим, что у респондентов, отнесенных к группе высокой вероятности любовной аддикции, баллы по обоим признакам статистически значимо выше по сравнению с двумя другими группами.

Что касается оставшихся групп: респонденты со средней вероятностью любовной аддикции имеют статистически значимую тенденцию к накоплению изучаемых признаков.

Таблица 2

Сравнение склонности к иным зависимым формам поведения у лиц с различной вероятностью формирования любовной аддикции

Признак	Высокая вероятность любовной аддикции n (%)	Средняя вероятность любовной аддикции n (%)	Низкая вероятность любовной аддикции n (%)	χ ²	p
Курение	19 (29,6%) ^{1,2}	53 (25,1%) ^{2,3}	28(19,8%) ^{1,3}	χ ² ¹ –2,407 χ ² ² –0,530 χ ² ³ –1,320	p ¹ >0,05 p ² >0,05 p ³ >0,05
Употребление наркотиков	10 (15,6%) ^{1,2}	24 (11,3%) ^{2,3}	11 (7,8%) ^{1,3}	χ ² ¹ –2,930 χ ² ² –0,819 χ ² ³ –1,205	p ¹ >0,05 p ² >0,05 p ³ >0,05
Оценка себя, как злоупотребляющего алкоголем	7 (11%) ^{1,2}	16 (7,5%) ^{2,3}	6 (4,2%) ^{1,3}	χ ² ¹ –0,069 χ ² ² –0,396 χ ² ³ –0,207	p ¹ >0,05 p ² >0,05 p ³ >0,05

*Надстрочными символами обозначены пары сравнений.

Таким образом, исходя из приведенных данных, можно констатировать, что выраженность интернет и пищевой зависимости достигает своего максимума в группе с высокой вероятностью любовной аддикции и минимальна в группе с низкой вероятностью любовной аддикции.

Исследование предполагало оценку связи любовной аддикции со склонностью к азартным играм, но в ходе анализа полученных данных статистически значимых отличий обнаружено не было, с чем это связано – покажут дальнейшие исследования.

Как следует из таблицы, максимальная частота встречаемости всех признаков зарегистрирована в группе с высокой вероятностью любовной аддикции, однако, статистически значимого уровня отличий обнаружено не было. Возможно, это связано с тем, что любовная аддикция может выступать в роли своеобразной заместительной «терапии» и несколько нивелировать склонность к химическим видам зависимости [10].

Обобщая полученные результаты, мы можем расставить исследуемые группы в следующем континууме (по нарастающей склонности к остальным расстройствам класса зависимостей): респонденты с низкой вероятностью любовной аддикции → респонденты, имеющие среднюю вероятность любовной аддикции → рес-

понденты с высокой вероятностью любовной аддикции. Это позволяет предположить гипотезу о возможном существовании у респондентов с высокой вероятностью любовной аддикции одновременно двух, трех или более аддикций.

Существуют различные взгляды на природу коморбидности зависимостей. Проведенные ранее исследования с использованием нейровизуализационных методов подтвердили вовлечение в формирование всех зависимых моделей поведения системы «внутреннего вознаграждения» мозга [8], что говорит об этиопатогенетическом родстве всех расстройств класса зависимостей. Также существует мнение, что зависимости от веществ и определенных ситуаций (игровых автоматов, компьютерных игр и др.) формируются вторично, базой для их формирования являются существующие первично межличностные зависимости. Чувства вины, стыда, обиды, возникающие на фоне первичной зависимости, заставляют человека прибегать к стратегиям аддиктивного поведения [11]. Так или иначе, в нашем исследовании феномен полиаддиктивности раскрывается в полной мере.

В заключение проведем анализ связи вероятности любовной аддикции с личностной аутоагрессивностью.

Таблица 3

Сравнение представленности аутоагрессивных тенденций у лиц с различной вероятностью формирования любовной аддикции

Признак	Высокая вероятность любовной аддикции n (%)	Средняя вероятность любовной аддикции n (%)	Низкая вероятность любовной аддикции n (%)	χ^2	p
Суицидальные попытки	13 (20,3%) ^{1,2}	16 (7,5%) ^{2,3}	9 (6,3%) ^{1,3}	$\chi^2_{1-8,916}$ $\chi^2_{2-8,435}$ $\chi^2_{3-0,184}$	$p^1 < 0,01$ $p^2 < 0,01$ $p^3 > 0,05$
Суицидальные мысли	42 (65,6%) ^{1,2}	98 (46,5%) ^{2,3}	47 (33%) ^{1,3}	$\chi^2_{1-18,685}$ $\chi^2_{2-7,228}$ χ^2_{3-6}	$p^1 < 0,01$ $p^2 < 0,01$ $p^3 < 0,05$
Самоповреждения	47 (73,4%) ^{1,2}	41 (19,4%) ^{2,3}	20 (15%) ^{1,3}	$\chi^2_{1-12,566}$ $\chi^2_{2-7,493}$ $\chi^2_{3-1,624}$	$p^1 < 0,01$ $p^2 < 0,01$ $p^3 > 0,05$
Острая безысходность	50 (78,1%) ^{1,2}	127 (60%) ^{2,3}	59 (42%) ^{1,3}	$\chi^2_{1-23,271}$ $\chi^2_{2-6,887}$ $\chi^2_{3-11,415}$	$p^1 < 0,01$ $p^2 < 0,01$ $p^3 < 0,01$
Пассивные фантазии о смерти	47 (73,4%) ^{1,2}	110 (52%) ^{2,3}	54 (38%) ^{1,3}	$\chi^2_{1-21,747}$ $\chi^2_{2-9,098}$ $\chi^2_{3-6,501}$	$p^1 < 0,01$ $p^2 < 0,01$ $p^3 < 0,05$

*Надстрочными символами обозначены пары сравнений.

Из представленных данных видно, что в группе респондентов со средней вероятностью любовной аддикции преимущественным направлением реализации аутоагрессивных тенденций является аутоагрессия, реализованная через суицидальные мысли, пассивные фантазии о смерти и периоды острой безысходности. Это наблюдение является прогностически ценным для суицидологической практики.

Что касается группы с высокой вероятностью любовной аддикции – мы видим статистически достоверное накопление как классических аутоагрессивных феноменов, так и предикторов аутоагрессивного поведения. В проведенных ранее исследованиях было доказано, что «прямая» суицидность и несуйцидальные самоповреждения являются ведущими направлениями реализации аутодеструкции у лиц, страдающих химическими аддикциями [12-15], анализируя полученные нами результаты, можно предположить, что данное наблюдение справедливо и для лиц, страдающих нехимическими аддикциями, в частности любовной.

Выводы

1. Любовная аддикция является весьма распространенным явлением в рассматриваемом нами срезе популяции (15%).

2. Феномен полиаддиктивности в полной мере раскрывается при анализе любовной аддикции. Мы видим этиопатогенетическое родство с другими нехимическими аддикциями, однако статистически значимой связи с химическими аддикциями обнаружено не было.

3. Можно утверждать, что респонденты, отнесенные к группе с высокой вероятностью любовной аддикции, имеют выраженный суицидальный риск, что делает, используемый в работе опросник Егорова А.Ю., одним из возможных инструментов для скрининга потенциального аутоагрессивного поведения.

4. Любовная аддикция требует дальнейшего, более пристального научного изучения в контексте как аддиктологии, так и суицидологии.

Дополнительная информация

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, о которых необходимо сообщить в связи с публикацией данной статьи.

Финансирование исследования. Без финансовой поддержки.

Участие авторов:

Концепция, дизайн статьи, написание текста – Бузик О.Ж.

Анализ литературы, набор материала, математическая обработка, написание текста – Ефимова А.Д.

Литература

1. Кошкина Е.А., Киржанова В.В. Основные тенденции распространенности наркологических расстройств в России в 2003-2004 годах // Вопросы наркологии. 2005. №3. С. 57-67.
2. Макушина О.П. Склонность к суицидальному поведению у подростков с межличностной зависимостью // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. №1(262). С. 129-131.
3. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; 2000.
4. Пил С., Бродски А. Любовь и зависимость. М.: Институт общегуманитарных исследований; 2005.
5. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. М.: Класс; 2002.
6. Луценко Е.Л. Сексуальная и любовная зависимость: феноменология, психофизиологическая основа, методы коррекции (обзор) // Вестник психофизиологии. 2015. №3. С. 21-35.
7. Ивахнова И.Д. Любовная аддикция как социально-психологический феномен. В кн.: Практики заботы в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 21 декабря 2016 г.). Саратов: Саратовский источник; 2017. С. 104-107.
8. Егоров А.Ю. Любовные аддикции // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11, №2. С. 64-81.
9. Макаренко И.В. Психологические особенности любовной аддикции у мужчин и женщин. В кн.: Наука и знание: векторы развития конкурентоспособности общества, науки и бизнеса: материалы XVII международной научно-практической конференции (Новороссийск, 17 апреля 2015 г.). Ставрополь: Центр научного знания «Логос»; 2016. С. 181-188.
10. Fisher H.E. Why we love: The nature and chemistry of romantic love. New York: Holt; 2004.
11. Кочарян А.С. Психологические модели зависимых расстройств // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Психологія». 2004. №617. С. 86-92.
12. Сараев М.А. Аутоагрессивное поведение женщин, мужья которых зависимы от опиатов. Ав-

- тореферат дис. ... канд. мед. наук. М.; 2009. Доступно по: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003473476#?page=1>. Ссылка активна на 18 июня 2009.
13. Сафронова А.В., Меринов А.В. Распространенность употребления психоактивных веществ среди юношей и девушек, обучающихся в высших учебных заведениях // Наука молодых (Eruditio Juvenium). 2014. №3. С. 109-113.
  14. Меринов А.В., Шитов Е.А., Лукашук А.В., и др. Аутоагрессивная характеристика женщин, состоящих в браке с мужчинами, страдающими алкоголизмом // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2015. Т. 23, №4. С. 81-86.
  15. Шустов Д.И., Меринов А.В. Аутоагрессивное поведение больных алкогольной зависимостью: этиопатогенетические и клинические аспекты. М.; 2001.
- References**
1. Koshkina EA, Kirzhanova VV. Osnovnye tendentsii rasprostranennosti narkologicheskikh rasstroystv v Rossii v 2003-2004 godakh. *Voprosy narkologii*. 2005;(3):57-67. (In Russ).
  2. Makushina OP. Propensity to the suicidal behaviour amongst teenagers with interpersonal connectivity. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. 2014;(1):129-31. (In Russ).
  3. Korolenko CP., Dmitriyeva NV. *Sotsiodinamicheskaya psikhatriya*. Moscow: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga; 2000. (In Russ).
  4. Pil S, Brodski A. *Lyubov' i zavisimost'*. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy; 2005. (In Russ).
  5. Weinhold B, Weinhold J. *Breaking free of the Co-Dependency Trap*. Moscow: Klass; 2002. (In Russ).
  6. Lutsenko EL. Sexual and love addiction: phenomenology, psychophysiological bases, methods of correction (review). *Psychophysiology News*. 2015; (3):21-35. (In Russ).
  7. Ivahnova ID. Love addiction as a social and psychological phenomena. In: *Praktiki zaboty v sovremennom obshchestve: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Saratov, 2016 21 Dec 2016)*. Saratov; 2017:104-7. (In Russ).
  8. Egorov AYu. Love addictions. *The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology*. 2015;11(2): 64-81. (In Russ).
  9. Makarenko IV. Psychological peculiarities of love addiction in men and women. In: *Nauka i znanie: vektory razvitiya konkurentosposobnosti obshchestva, nauki i biznesa: materialy XVII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novorossiysk, 2017 Apr 17)*. Stavropol': Tsentr nauchnogo znaniya «Logos»; 2016:181-8. (In Russ).
  10. Fisher HE. *Why we love: The nature and chemistry of romantic love*. New York: Holt; 2004.
  11. Kocharyan AS. Psikhologicheskiye modeli zavisimykh rasstroystv. *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriya «Psikhologiya»*. 2004;(617):86-92. (In Ukr).
  12. Saraev MA. *Autoagressivnoe povedenie zhenshchin, muzh'ya kotorykh zavisimy ot opiatov* [dissertation]. Moscow; 2009. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003473476#?page=1>. Accessed: 18 Jun 2009. (In Russ).
  13. Safronova AV, Merinov AV. Prevalence of substance use among boys and girls studying in higher education institutions. *Nauka Molodykh (Eruditio Juvenium)*. 2014;(3):109-13. (In Russ).
  14. Merinov AV, Shitov EA, Lukashuk AV, et al. Autoaggressive characteristic of women who are married to men who suffer from alcoholism. *I.P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*. 2015; 23(4):81-6. (In Russ).
  15. Shustov DI, Merinov AV. *Autoagressivnoye povedeniye bol'nykh alkohol'noy zavisimost'yu: etiopatogeneticheskiye i klinicheskiye aspekty*. Moscow; 2001. (In Russ).

Информация об авторах [Authors Info]

Бузик Олег Жанович – д.м.н., доцент, заместитель директора по научной работе, Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация; профессор кафедры наркологии, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Москва, Российская Федерация.

SPIN: 7140-5795, ORCID ID: 0000-0002-1188-2542, Researcher ID: M-3863-2016.

Oleg Zh. Buzik – MD, PhD, Associate Professor, Deputy Director for Research, Moscow Scientific and Practical Center Narcology, Moscow, Russian Federation; Professor of the Department of Narcology, Russian Medical Academy of Continuous Education», Moscow, Russian Federation.

SPIN: 7140-5795, ORCID ID: 0000-0002-1188-2542, Researcher ID: M-3863-2016.

*Ефимова Анастасия Дмитриевна – студент 6 курса лечебного факультета, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, Рязань, Российская Федерация. e-mail: anastasia.efef@yandex.ru

SPIN: 2570-1160, ORCID ID: 0000-0002-0277-0290, Researcher ID: M-7109-2018.

Anastasia D. Efimova – 6th year Student of the Medical Faculty, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russian Federation. e-mail: anastasia.efef@yandex.ru

SPIN: 2570-1160, ORCID ID: 0000-0002-0277-0290, Researcher ID: M-7109-2018.

Цитировать: Бузик О.Ж., Ефимова А.Д. Любовная аддикция у обучающихся в ВУЗе: связь с прочими зависимыми моделями поведения и личностной аутоагрессивностью // Наука молодых (Eruditio Juvenium). 2019. Т. 7, №2. С. 163-169. doi:10.23888/HMJ201972163-169

To cite this article: Buzik OZh, Efimova AD. Love addiction among students in the university: relationship with other dependent behaviours and personal auto-aggressiveness. *Science of the young (Eruditio Juvenium)*. 2019;7(2):163-9. doi:10.23888/HMJ201972163-169

Поступила / Received: 16.10.2018
Принята в печать / Accepted: 20.06.2019